

Лейля САБИТОВА

Казахстан

КАТЕГОРИЯ ВИДА В РУССКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКАХ

The category aspect in Bulgarian and Kazakh

The article is connected to the issue of verb aspect and related to it notions which led to the appearance of a more recent section of grammar – aspectology. On the basis of materials from Russian and Kazakh we came to the conclusion that aspect as a grammatical category is typical of the Slavic group of languages while the Kazakh language makes use of a totally different system of grammatical means to convey the same meanings.

Key words: verb aspect, aspectuality, agglutinative language, synthetic constructions, analytic constructions

Изучение вида, как грамматической категории глагола, и всех смежных с ним понятий привели к возникновению новой ветви в грамматике, которая стала называться аспектологией. По словам Ю. С. Маслова, аспектология может быть определена как “отрасль науки о грамматическом строе и грамматической семантике языка, изучающая категорию глагольного вида (в международной терминологии – “аспекта”) и, шире, всю “сферу аспектуальности”, – обширную область языка, включающую помимо вида различные другие явления, сходные или смежные с видом в содержательном, функционально-семантическом отношении” [1, 5].

В русском языке, как и в других славянских языках, центральную роль среди средств выражения аспектуальных отношений играет грамматическая категория вида. Она представляет собой наиболее специали-

зированной и регулярное грамматическое средство, интегрирующее и консолидирующее другие компоненты – способы действия, разряды предельных и неопредельных глаголов, аспектуально специализированные синтаксические конструкции, лексические показатели аспектуальности, все аспектуальные элементы конструкции [2, 42].

Для тюркских языков в советское время, как заметил Д. М. Насилов [Насилов 1989], проблема «вида» особенно стала волновать в период широко развернувшегося преподавания родного и русского языков в тюркоязычной аудитории, когда возникла потребность объяснения учащимся сущности русских видов, а также при написании учебников [3, 9].

Как правило, вид во многих славянских языках, в том числе и в русском, на самом деле чаще всего представляет собой глагольную пару. Для описания одной и той же ситуации, состояния, процесса и действия необходимо два глагола, использование которых будет зависеть от того, будет ли описываемая ситуация находится в стадии развития или завершенности. Такая глагольная пара и есть оппозиция совершенного и несовершенного вида. Как писал А. А. Шахматов, наиболее существенным отличием совершенного вида от несовершенного является то, что совершенный вид представляет глагольную основу в сложении с предлогами, а несовершенный вне такого сложения (есть, но поесть, заесть, съесть, надоесть; пить, но выпить, испить, попить, отпить, запить, распить), это основное и исконное отличие между обоими видами [4, 473]. Таким образом, важную роль в различении видов играют морфологические отличия. Так, префиксы, сочетаясь с глагольной основой, не только видоизменяют форму глагола, но и наполняют и детализируют значение. Например, производный глагол *отпить* отличается от *пить* не только тем, что изменился вид, но и тем, что появилось иное значение – *выпить немного, часть чего-нибудь* или *кончить пить*.

У. П. Леманн и Р. Ледж [Lehmann & Ledge 1996] в своем труде «Теоретические основы индоевропейской лингвистики» изначально делят систему глаголов индоевропейских языков на два типа: «английский язык и языки западной Европы, как и многие другие, обладают темпоральной системой; славянские языки и библейский иврит среди остальных используют видовую систему» [5, 176]. Действительно, многие языки,

например германской группы, обладают очень разветвленной системой времен. В русском же языке имеется всего три временные категории.

Существуют две противоположные точки зрения на историческое появление аспекта в славянских языках. Одни ученые, которые посвятили свои труды истории индоевропейских языков и изучению протоиндоевропейского языка, приписывают аспектуальную систему праязыку. По утверждению других ученых-лингвистов, аспект в славянских языках не является архаичным, он начал развиваться в старославянском. Это значит, что вид не был унаследован из индоевропейского языка. Как утверждает О. Семереньи [Szemerényi 1996], аспект в славянском языке развился в период между 700 г. до н.э. и 300 г. н.э. в южной части России под влиянием иранского и греческого языков. Но в то же время, по словам О. Жемереного, «славянская система (видовых противопоставлений) развилась на основе оппозиции *длительный – точечный*, и это развитие значительно отличалось от развития греческой системы» [6, 309]. Развитая система видовых оппозиций помогает русскому языку описывать любую ситуацию, при том, что в русском языке временная система глагола не так широко развита, как во многих тюркских языках. Этим мы хотим сказать, что повсеместное употребление совершенного и несовершенного вида в русском языке компенсирует наличие всего трех времен: будущего, настоящего и прошедшего.

Но наиболее важное отличие глаголов русского языка от глаголов рассматриваемого нами казахского языка состоит в том, что русские глаголы различаются по видам *внутри видовой пары*. Например, *читать – прочитать, бежать – бегать, дать – давать*. Как отмечают Дж. Хьюсон и В. Бубеник [Hewson & Vubenič 1997], уникальность славянских языков заключается в том, что «славянские языки используют средства деривационной морфологии для грамматических целей» [7, 84]. Т.е. мы имеем дело, в сущности, семантически с одним и тем же глаголом, который морфологически был преобразован, создав тем самым себе пару.

Глагольная система в казахском языке, как и во многих представителях тюркской группы, очень сложная и разветвленная. Казахский язык является агглютинативным языком, словообразование и словоизменение в нем происходит путем присоединения к основе аффиксов: *жас – молодой*,

жас-тык – молодость или *кел – приди, кел-дім – я пришел, кел-се – если придет, кел-ген-де – когда придет* и т.д. В казахском языке, меняя вид, мы меняем временную конструкцию, вспомогательный глагол или смысловый глагол, либо мы дополняем контекст так, чтобы все выражение приобретало смысл действия совершенного или несовершенного.

По способу образования временные формы глагола в казахском языке можно разбить на две группы: аналитические и синтетические. Аналитические формы образуются из двух и более глаголов, один из которых является основным, смысловым глаголом, а второй (или другие) – вспомогательным.

К синтетическим формам глагола относятся те формы, которые образуются путем присоединения к основе определенных аффиксов. Рассмотрим для примера несколько предложений:

(1) *Б л кітапты мен алдеқашан оқығанмын – Эту книгу я давно прочитал.*

(2) *Ерте саған келермін – Наверное, приду к тебе завтра.*

В предложении (1) глагольная форма *оқығанмын* указывает на так называемое прошедшее результативное время (нәтижелі өткен шақ), которое образуется путем прибавления к корню глагола суффиксов – *ған-, -қан-, -ген-* или *-кен-* и личного окончания: *оқы+ған+мын*. В примере (2) глагол *келермін* выражает будущее предположительное время (болжалды келер шақ), которое выражается путем прибавления к корню глагола суффикса *-ар-, -ер-* или *-р-* и личного окончания: *кел+ер+мін*.

Аналитические же конструкции уже предполагают использование вспомогательных глаголов в сочетании со смысловым.

(3) *Жазып алып едім – Я записал.*

(4) *Мен б л мәселе туралы б рын жазған едім – По этому вопросу я раньше писал.*

В предложении (3) основной глагол *жазу* (*писать*), также как и вспомогательный *алу* (*брать*), находится в форме деепричастия, которое по правилам казахского языка заканчивается на *-н*, завершающий вспомогательный глагол *е-* указывает не только на то, что действие завершилось в прошлом, но и то, что действие совершалось первым лицом единственного числа.

Интересным примером может служить предложение (4), в котором, как мы видим, можно наблюдать аналитико-синтетический способ выражения действия. Основной глагол *жазу* (*писать*) приобрел ту же форму, что и глагол из предложения (1), а вспомогательный глагол *е-* взял на себя ту же нагрузку, что и в предложении (3).

Очень важно учитывать в казахском языке контекст, который может влиять на значение всего высказывания. Возьмем для сравнения два предложения, в которых глаголы будут абсолютно одинаковыми и будут указывать на одно и то же время, если они будут вне контекста:

Мен кунде мектепке барамын – Я каждый день хожу в школу.

Мен сағат үште мектепке барамын – Я в три часа пойду в школу.

Данные предложения помогают понять сущность казахского глагола и показывают его зависимость от контекста. Независимо от того, что оба глагола обладают одинаковой формой, первое из двух предложений находится в переходном настоящем времени, а второе – в будущем.

Как пишет, И. Е. Маманов: «В казахском языке существует целая система вспомогательных глаголов, которые, сочетаясь с основным глаголом, выражают различные грамматические понятия» [8, 172].

Не все глаголы в казахском языке могут быть вспомогательными. Число вспомогательных глаголов ограничено, и в современном языке они составляют замкнутую систему вспомогательных средств. По своим функциям казахские вспомогательные глаголы делятся на три большие группы:

1) Вспомогательные глаголы, образующие описательные формы глагола (недостаточный глагол *е-* – быть);

2) Вспомогательные глаголы, образующие длительные времена (глаголы состояния: *отыр* – сидеть, *т р* – стоять, *жүр* – ходить, *жат* – лежать);

3) Вспомогательные глаголы, выражающие различные грамматические значения: вид, модальность, направленность – и некоторые другие глаголы: *ал* – брать, *бер* – давать, *кет* – уходить, *қал* – оставаться... [3, 173]

По мнению многих ученых (например, Н.Т. Сауранбаев 1944, И. К. Уюкбаев 1954, С. М. Исаев, Г. Т. Нуркина 1996), категория вида отсутствует в казахском языке [9, 129]. Действительно, казахский язык для

передачи категории вида прибегает к использованию аналитических форм в отличие от русского языка, то есть путем сочетания основного глагола в форме деепричастия со вспомогательным глаголом. Так, например, Н. Т. Сауранбаев утверждал, что «казахские, а также другие тюркские глаголы сами по себе не выражают видовых оттенков» [ссылка по Маманову], а потому для передачи вида они образуют сложные глаголы. В своих трудах по тюркологии Б. А. Серебренников утверждал, что в тюркских языках вид как грамматическая категория не представлен и что выделяемые там видовые значения не сопоставимы со значениями совершенного и несовершенного вида русского языка [10, 30].

По мнению отдельных языковедов, в казахском языке имеется в основном законченный и незаконченный виды, каждый из которых имеет подвиды [11, 174]. Это утверждение явно расходится с устоявшимся мнением о том, что парно-видовой системой обладают только славянские языки. Однако, значения законченного и незаконченного видов, а также их подвидов однозначно могут передаваться особой системой, которой обладает казахский язык.

Для передачи русской видовой оппозиции казахский язык использует две группы вспомогательных глаголов. Для значения процесса, продолжительности действия, а значит незаконченности, чаще всего употребляются следующие глаголы состояния: *т р (стоит)*, *жүр (ходит)*, *жатыр (лежит)*, *отыр (стоит)* – группа (2), описанная выше. Для значения же завершенности в казахском языке необходимо прибегнуть к помощи вспомогательных глаголов, о которых говорилось выше (группа 3).

Как пишет А. Т. Кайдаров, видовые значения глагола (продолжительность, мгновенность, повторяемость, многократность, одноактность, направленность действия и др.) передаются аналитически, т. е. сложными глагольными основами, состоящими из основного глагола в форме деепричастия на -п, -ып/-іп и вспомогательного глагола. Все видовые значения глагола реализуются как совершенный и несовершенный виды: *оқып отыру* «читать» (несов. вид), *оқып шығу* «прочитать» (сов. вид) и др [12, 32]. Но, как видно, на конкретных примерах, видовые оппозиции строятся отнюдь не морфологическими способами внутри видовой пары. Очень важно также учесть, что для передачи значения совершенного вида смысловой глагол при соединении со вспомогательным глаголом

должен находиться в форме деепричастия на -п, -ып/-іп, иначе он будет иметь значение противоположного вида:

(5) *Мен хат жаза бердім* – Я писал (продолжал писать) письмо.

Основной смысловой глагол в (5) *жазу* (*писать*) находится в форме длительности (ср. английский Continuous). В то же время вспомогательный глагол *бер+ді+м* указывает на то, что действие происходило в прошлом и происходило с первым лицом единственного числа (это мы оговариваем потому, что казахский язык позволяет опускать личные местоимения, ведь окончания глаголов дают представление, кем совершается действие). Таким образом, сочетание глаголов *жаза* + *бердім* уже указывает на продолжительность действия, на его стремление к внутреннему пределу, и это является показателем того, что данная конструкция передает значение действия несовершенного вида.

(6) *Мен хат жаздым* – Я писал/написал письмо.

В предложении (6) основной глагол не прибегает к помощи вспомогательного глагола. Находясь в форме прошедшего категорического времени (нақтылы осы шақ), глагол просто констатирует действие вообще. В подобных предложениях трудно определить, каким был бы вид в русском языке, если бы он не опирался на контекст. Основной разницей между глаголами казахского и русского языков является то, что в казахском языке отдельно взятый глагол сам по себе не выражает никаких видовых оттенков, т.е. один и тот же глагол может выражать значение то совершенного, то несовершенного видов. Например, русская видовая пара *читал* – *прочитал* может передаваться одним только казахским глаголом *оқыды*. Русский же глагол всегда обладает тем или иным видом, независимо от его окружения и контекста. Видовые оттенки в казахском языке могут быть переданы лишь в составных и сложных глаголах:

(7) *Мен хат жазып бердім* – Я написал письмо.

Хотя в данном предложении использован такой же вспомогательный глагол, что и в (5), окончание смыслового глагола -п указывает на завершенность действия, на его результат (ср. английский Perfect), т.е. конструкция *жазып* + *бердім* указывает на то, что действие, выраженное в предложении (7) имеет значение русского совершенного вида.

Для казахского языка также очень важно различать лексико-семантическое значение вспомогательных глаголов, при помощи которых может выражаться и видовая оппозиция, и различаются способы глагольного действия. И. Маманов писал, что «для понимания всей системы вспомогательных глаголов казахского языка, особенно важным является изучение их семантики и отношения ее к семантике основного смыслового глагола» [8, 173]. Глаголы в сочетании с различными вспомогательными глаголами Б. А. Серебренников предложил называть «видовыми классами», поскольку они не проявляют свойств грамматической категории (тотальность, оппозиционность, универсальность) [10, 30]. Деление на видовые классы обуславливалось в работе Серебренникова именно тем, что глаголы для выражения аспектных значений группировались по семантическим критериям. Такое деление больше напоминает классификацию по способам действия в русском языке. Однако их никак нельзя приравнивать друг к другу, поскольку в глаголах тюркской группы значения длительности и совершенности дополнены в видовых классах лексическими значениями вспомогательных глаголов.

Рассмотрим для примера несколько предложений: а) *Мен хат жазып бердім* б) *Мен хат жазып алдым* в) *Мен хат жазып жібердім* и г) *Мен хат жазып көрдім*. Грамматически все эти предложения равны – все они выражают законченное действие в прошлом. Однако, аналитические формы глаголов с использованием разных вспомогательных глаголов несут различную семантическую нагрузку, а именно *жазып бердім* отличается от *жазып алдым* тем, что первое означает действие, совершенное для чьей-то пользы, а второе – для своей, хотя на русский язык оба эти предложения можно перевести, как *Я написал письмо*. Выражение *хат жазып жібердім* в предложении (в) имеет значение *отправил кому-либо письмо*. А предложение (г) вообще будет означать некое модальное значение, а именно – *попробовал написать*. Очень подробно значения вспомогательных глаголов рассмотрел И. Е. Маманов в своей работе «Вспомогательные глаголы в казахском языке» (1949). Что же касается аспектуального значения, то в данном случае предложению *Мен хат жазып бердім* со значением законченности действия в казахском языке будет противопоставлено предложение со значением процесса – (8) *Мен хат жазып отырдым*, или со значением продолжительности действия –

(5) *Мен хат жаза бердім.* Несмотря на то, что в казахском языке используется один и тот же смысловой глагол, в рассмотренных предложениях нетрудно заметить, что видовое значение выражено различными грамматическими формами глагола.

Таким образом, вид как грамматическая категория принадлежит только славянской группе языков. Казахский язык, как и все языки, способен передавать значение и смысл любого действия, выраженного русским глаголом, используя для этого совершенно иную систему грамматического построения. Однако от этого никак не умаляется реализация смысла, более того она детализируется и позволяет очень тонко передать содержание, о чем свидетельствуют приведенные в статье примеры.

Использованные источники

1. Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л.: Наука, 1984. – 263 с.
2. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис, М.: Издательство УРСС, 2003. – 352 с.
3. Насилов Д. М. Проблемы тюркской аспектологии: акциональность, Л.: Наука, 1989. – 208 с.
4. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка, М.: Издательство УРСС, 2001. – 624 с.
5. Lehman Winfred, Ledge Rout. Theoretical Bases of Indo-European Linguistics, London, 1996. – 324 p.
6. Szemerényi Oswald J.L. Introduction to Indo-European Linguistics, Oxford: Clarendon Press, 1996. – 352 p.
7. Hewson John, Bubenik Vit. Tense and Aspect in Indo-European Languages: Theory, Typology, Diachrony, Amsterdam/Philadelphia: Benjamin's Publishing Company, 1997. – 410 p.
8. Маманов И. Вопросы казахского языкознания. Алматы: Арыс, 2007. – 488 с.
9. Исаев С. М., Нуркина Г. Т. Сопоставительная типология казахского и русского языков. Алматы: Санат, 1996. – 272 с.
10. Серебренников Б. А. Вопросы грамматики тюркских языков сб. ст. Алма-Ата: АН КазССР, 1958. – 252 с.
11. Турсунов Д. Сопоставительная грамматика русского и казахского языков. Алматы: Мектеп, 1967. – 247 с.
12. Кайдаров А. Т. Казахский язык // Языки мира: тюркские языки: сборник статей РАН, Институт языкознания / под ред. В. Н. Ярцевой. – Бишкек, 1997. – С. 243-253